

ФРАГМЕНТЫ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Публикация И. Л. Волгина

Первое появление в печати неизвестных текстов «Дневника писателя» относится к началу 1920-х годов, когда С. А. Переселенков опубликовал запрещенную цензурой главку из январского «Дневника» за 1877 г. — «Старина о петрашевцах»¹. В 1930 г. В. Л. Комарович обнародовал небольшой фрагмент (о Петербурге) из второй главы майского выпуска «Дневника» 1876 г.² В 1940 г. А. С. Долинин привел несколько неизвестных отрывков из «Дневника писателя» 1876—1877 гг.³

Значительные по объему записные тетради Достоевского к «Дневнику писателя», опубликованные в т. 83 «Литературного наследства», существенно дополняют и углубляют наши представления о творческом генезисе «Дневника», очерчивают широкий круг исторических реалий, из которых выросло это необычное для русской журналистики издание.

В статье, посвященной цензурной истории «Дневника писателя», автор настоящей публикации воспроизвел несколько неизвестных отрывков, относящихся к июльско-августовскому выпуску «Дневника» 1876 г., а также связал публиковавшиеся ранее тексты с теми цензурными перипетиями, через которые пришлось пройти некоторым номерам моножурнала Достоевского⁴.

Ниже мы публикуем неизвестные фрагменты, относящиеся к «Дневнику писателя» 1876—1877 гг., т. е. к тому времени, когда «Дневник» функционировал как периодический орган. Приведенные тексты представляют собой автографы Достоевского (за исключением двух страниц, перебеленных рукой Анны Григорьевны) и находятся в творческих рукописях писателя.

Все до сих пор публиковавшиеся фрагменты из «Дневника писателя» можно разделить на две категории: 1) тексты, исключенные цензурой и 2) тексты, по тем или иным причинам отброшенные самим автором при окончательной редакции. Публикуемые нами фрагменты относятся ко второй категории.

Весьма различна степень завершенности каждого из фрагментов. Если отрывки 1 и 2, несомненно, представляют собой наборную рукопись, подготовленную к печати, то отрывки 3—6 являются черновыми набросками, которые не получили завершения при окончательной редакции.

Отличаются публикуемые тексты и по времени своего создания: среди них имеются как относящиеся к 1876, так и 1877 гг.

Широкий тематический диапазон этих материалов. Они затрагивают различные вопросы, на первый взгляд, мало связанные друг с другом. Такая многоплановость отражает полифоничность композиционной структуры самого «Дневника писателя». Не удивительно, что публикуемые фрагменты несут на себе печать тех художественных и идейных особенностей, которые присущи «Дневнику», как некоей целостной структуре. Целостность «Дневника писателя» (при всей его полифоничности) обусловлена в свою очередь единой нравственной доминантой⁵.

Нам представляется, что некоторые из приведенных ниже фрагментов не попали в окончательный текст «Дневника писателя» в силу внутренней несвободы Достоевского, в силу той борьбы, которая происходила в нем при определении главной публицистической линии его издания.

Наиболее значительный по объему отрывок (№ 1) предназначался Достоевским для первой большой главы майско-июньского выпуска «Дневника» 1877 г. (описание каж-

дого отрывка и обоснование его принадлежности к той или иной главе «Дневника» см. в комментариях). Первая малая главка этой главы в печатном тексте носит название «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергер, 1528 года». Достоевский приводит латинский текст (снабдив его параллельным русским переводом) из мистической книги XVI века.

В обычной для своего «Дневника» манере, избегая прямых оценок в том случае, когда это не касается «заветных убеждений», полунасмешливо-полусерьезно говорит Достоевский о процитированном им предсказании: «Конечно, темновато, но согласитесь, однако <...>, что это как будто и похоже на теперешнее...» (XII, 126). Завершая главку, писатель роняет следующее характерное замечание: «Но оставим Иоанна Лихтенбергера. Серьезно говорить обо всем этом трудно; все это лишь мистическая аллегория, хотя бы и похожая несколько на правду» (XII, 128).

Зачем же в таком случае понадобился Достоевскому Иоанн Лихтенбергер? Отталкиваясь от старинного пророчества, Достоевский исподволь переходит к вполне серьезной и едва ли не центральной теме «Дневника» — исторической миссии русского народа.

Публикуемый отрывок является логическим и тематическим продолжением этой главки майско-июньского «Дневника». Но в отличие от самой главки, где предсказание Лихтенбергера выступает лишь как повод для более серьезных историко-философских обобщений, настоящий отрывок целиком посвящен несколько необычному и никогда более не встречающемуся в «Дневнике» вопросу о том, существует ли пророчество, т. е. «существует ли в человеке способность пророческая?»

С первых же слов Достоевский делает очень существенное, на наш взгляд, предупреждение: «Говоря так, я предполагаю лишь естественную способность, заключающуюся в организме человека (или даже нации), но, разумеется, исключая из вопроса моего совершенно дар пророчества, о котором говорит священное писание. Та тема особенная и к настоящему вопросу не подходящая».

Эта оговорка устраняет всякую связь того явления, которое Достоевский именует «даром пророчества», не только с его возможным мистическим истолкованием, но и с самой христианской традицией. Правда, терминология остается традиционной (да и какую иную терминологию мог бы тогда употребить Достоевский!), но говоря о «даре пророчества», писатель совершенно недвусмысленно ставит вопрос на естественнонаучную основу и рассматривает его целиком и полностью в границах реально познаваемой действительности.

Это — чрезвычайно знаменательное обстоятельство.

70-е годы XIX столетия характеризовались, с одной стороны, огромным усилением интереса русского общества к успехам положительных наук и, не в последнюю очередь, — физиологии и психологии, а с другой — повышенным и обостренным вниманием к «таинственным» явлениям человеческой психики. Именно к середине 1870-х годов на отечественной почве пышно расцветает спиритизм (А. Н. Аксаков, Н. П. Вагнер, А. М. Бутлеров). В 1872—1874 гг. на страницах «Вестника Европы» между И. М. Сеченовым и К. Д. Кавелиным развернулась шумевшая «психологическая» полемика, несомненно известная Достоевскому, в библиотеке которого была книга одного из ее участников — «Рефлексы головного мозга».

Автор «Преступления и наказания» — и в силу особенностей своего художнического сознания и по складу своей личности — всегда проявлял необычайный интерес к глубинным, подспудным движениям человеческой психики. Приводимый ниже неизвестный отрывок еще раз свидетельствует об этом.

Тематически отрывок № 1 примыкает к высказываниям Достоевского по поводу спиритизма, занявшим довольно значительное место в январском, мартовском и апрельском «Дневнике» 1876 г.

Отношение Достоевского к спиритизму прослежено нами в работе «Достоевский и Менделеев: антиспиритический диалог»⁶. Рассуждения автора «Дневника» в публикуемом отрывке о так называемом «даре пророчества» принципиально совпадают с той позицией, которую Достоевский занял в дискуссии о спиритизме, и вытекают из нее.

венник, который сообщил мне выписку из книги Иоанна Лихтенбергера, отыскал в Париже, в другой библиотеке другую книгу предсказаний, тоже шестнадцатого века и тоже на латинском языке».

Кто же этот молодой ученый, этот путешественник-инкогнито, столь пунктуальный в своих занятиях, что благодаря его добросовестности Достоевский мог сообщить читателям не только местонахождение старинных фолиантов, но, в случае необходимости, «номер шкафа и номер книги»?

Думается, что имя этого «молодого ученого» можно назвать с большой уверенностью. Это, скорее всего, Владимир Сергеевич Соловьев. В пользу подобного предположения говорят, на наш взгляд, весьма убедительные доказательства.

Как известно, 20-летний Владимир Соловьев познакомился с Достоевским зимой 1873 г. и сразу же завоевал живейшее расположение писателя. «Впечатление он произвел тогда очаровывающее,— вспоминает А. Г. Достоевская,— и чем чаще виделся и беседовал с ним Федор Михайлович, тем более любил и ценил его ум и солидную образованность»⁷.

«Молодой философ» — так обычно именует Достоевский Вл. Соловьева в письмах к третьим лицам⁸. Летом 1875 г. Вл. Соловьев получает заграничную командировку и в течение года усердно занимается в крупнейших библиотеках Европы. «Большую часть времени провожу в библиотеке,— сообщает он матери.— Библиотека Британского музея есть нечто идеальное во всех отношениях»⁹. Побывал Вл. Соловьев и во французских книгохранилищах: «Завтра должен получать билет для занятий в Национальной библиотеке»,— пишет он из Парижа¹⁰.

Итак, молодой ученый, побывавший в Лондоне и Париже,— все это соответствует тем сведениям, которые Достоевский сообщает о своем знакомце. Книга Иоанна Лихтенбергера и другие фолианты подобного рода должны были оказаться в поле зрения Вл. Соловьева¹¹ в силу его собственных философских склонностей и потому, что целью его заграничной поездки было «изучение индийской, гностической и средневековой философии». Определение «путешественник» также вполне приложимо к Вл. Соловьеву: кроме Лондона, Парижа, Ниццы, он за время своей командировки успел также побывать в Египте.

Вл. Соловьев вернулся в Россию летом 1876 г., а 4 марта 1877 г. был назначен членом Ученого комитета при Министерстве народного просвещения. С этого момента он постоянно живет в Петербурге. Таким образом, весной 1877 г., когда Достоевский «вынашивал» майско-июньский номер своего «Дневника», у Соловьева было достаточно возможностей регулярно встречаться с писателем.

Публикуемый отрывок свидетельствует о том, что диапазон духовного общения Достоевского и Соловьева не замыкался одними религиозно-философскими проблемами.

Известен интерес, проявлявшийся Соловьевым к малоизученным феноменам человеческой психики, для определения которых он пытался ввести универсальный термин «психургические». Весьма близки оба мыслителя и в своем негативном отношении к спиритизму. «Правда спиритизма,— писал Соловьев А. Н. Аксакову,— по-моему, только в том, что он признает необходимость объективной основы для религии, но та, которую он в самом деле делает, т. е. явления духов, оказывается негодной, потому что она, во-первых, недостаточно объективна, а во-вторых, лишена внутреннего религиозного значения»¹². Однако здесь можно проследить одно существенное различие. Хотя для Достоевского, как и для Соловьева, спиритизм тоже «лишен внутреннего религиозного значения», писатель отнюдь не ставит ему в заслугу того обстоятельства, что последний якобы «признает необходимость объективной основы для религии». «Нет уж лучше чистый атеизм, чем спиритизм!» — этими словами заканчивается публикуемый отрывок.

Этот, не вошедший в «Дневник писателя» текст, проливает дополнительный свет на гносеологические представления Достоевского и, как нам кажется, вступает в опутимое противоречие с той традицией, которая, безоговорочно зачисляя писателя в число мыслителей-мистиков, всячески затушевывает рационалистические моменты его мироощущения.

Мирозерцание Достоевского, покоящееся на религиозной основе, совсем не определялось собственно мистическими элементами. Да и сам религиозный идеал ставился Достоевским столь высоко, что суетные попытки подтверждения этого идеала через какие бы то ни было эмпирические или же сверхъестественные явления выглядели в его глазах жалкой профанацией.

Отрывок, публикуемый нами под № 2, затрагивает одну из главных проблем всей публицистики Достоевского. Он касается того, что составляло саму «душу живу» «Дневника писателя» — вопроса о народе и интеллигенции, их взаимоотношении.

«Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его,— говорит Достоевский уже во втором, февральском, «Дневнике» 1876 г.,— теперь у нас *самый важный вопрос*, в котором заключается *все наше будущее*, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь» (XI, 185.— Курсив мой.— И. В.).

Преодоление духовного разрыва народа и интеллигенции, достижение нравственного единства всего общества — эта *idée fixe*, начиная с 1860-х годов, неизменно выдвигалась и отстаивалась Достоевским.

Но публикуемый отрывок интересен не только углублением и развитием уже знакомой темы. Важно уяснить его местоположение в тексте «Дневника».

Дело в том, что этот фрагмент служит как бы введением к двум большим главам июльско-августовского «Дневника» 1877 г. Эти главы целиком посвящены восьмой части «Анны Карениной». В них дается самая развернутая характеристика творчества Льва Толстого, какая только встречается во всем литературном наследии Достоевского. Достоевский формулирует здесь свои взгляды на восточный вопрос, в корне отличные от тех, какие были высказаны Толстым в его романе. Этот пункт является чрезвычайно важным для понимания нравственной сущности публицистики Достоевского. В различном отношении двух великих писателей к восточному вопросу сказались два различных подхода к кардинальнейшим нравственным и историческим проблемам.

Достоевский гениально уловил и подверг критике зачатки того мирозерцания, которое окончательно сложилось у Толстого лишь в 1880-е годы¹³.

Публикуемый отрывок, будучи сохранен в тексте «Дневника», придал бы «толстовским» главам характер весьма широкого обобщения. Его исключение из окончательного текста, несомненно, ослабило персональную направленность критики, смягчило ее общую тональность и — что важнее всего — устранило возможность соотнести позицию самого Толстого с кругом тех общественных явлений, о которых с негодованием говорит здесь Достоевский.

Отрывок № 3, предназначавшийся для майского «Дневника» 1876 г. носит, так сказать, объяснительный характер. Это объяснение было вызвано совершенно неожиданными для читателей «Дневника» словами, содержащимися в предыдущем, апрельском, выпуске. Достоевский писал в нем о неизбежном крахе великих европейских держав, которые «все будут обессилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремлениями огромной части своих низших подданных, своих пролетариев и нищих». В России же, по мысли Достоевского, этого не может случиться, так как «наш демос доволен, и чем далее, тем более будет удовлетворен, ибо все к тому идет, общим настроением, или лучше согласием» (XI, 267).

Характерно, что писатель был вынужден вернуться к этому вопросу под влиянием читательских откликов. Отвечая в майском «Дневнике» на протестующее письмо одного из своих корреспондентов, он признает, что «получил уже сведения и о некоторых других мнениях, тоже не согласных с моим убеждением о довольстве нашего „демоса“» (XI, 306).

Автор «Дневника» счел необходимым объясниться. И немудрено: заявление о «довольстве демоса», толкуемое буквально, звучало явным диссонансом во всей публицистике Достоевского и не могло не вызвать у его читателей удивления и неприязни.

Летом 1876 г. писателю могло казаться, что сама жизнь санкционирует реализацию его идеала. Подобную возможность Достоевский усмотрел в движении солидарности с борьбой славян за освобождение — движению, которое, по мысли писателя, было призвано положить начало духовному соединению интеллигенции и народа. Со-

бытия, вызванные восточным кризисом 1870-х годов, явились для Достоевского своего рода «пророчеством и указанием».

Следует признать, что та социальная иллюзия, которую Достоевский с исключительной настойчивостью и талантом поддерживал в своем «Дневнике», не была лишь случайным порождением его писательской фантазии, а имела определенные корни в реальной действительности.

Период 1876—1877 гг. следует непосредственно после неудачи «хождения в народ» и перед второй революционной ситуацией, перед выстрелом Веры Засулич и вспышкой народовольческого террора. Это период мощного и, можно сказать, всенародного движения помощи славянам, когда в рядах русских добровольцев в Сербии Степняк-Кравчинский сражался «рядом» с генералом Черняевым и когда в самой России к солидарности со «славянскими братьями» призывали все без исключения органы печати — от «Московских ведомостей» до «Отечественных записок», хотя бы и руководствуясь при этом весьма различными побуждениями.

Но 1876—1877 гг. вместе с тем и время больших ожиданий: освободительная миссия России на Балканах не могла не породить надежд на «увенчание здания» в самой России — надежд на завершение реформ, начатых в 1860-е годы царствованием Александра II. «Куда пойдет страна?» — этот вопрос не снимался с повестки дня вплоть до 1 марта 1881 г. и последовавших за ним событий.

В создавшейся исторической ситуации Достоевский видел возможность совершенно исключительного для России социального исхода. Эта идеологическая абберация поддерживалась помимо прочего давним убеждением писателя, что освобождение крестьян «сверху» обнаружило в России историческую потенцию нравственного, «полюбовного» решения всех социальных проблем. Недаром в приводимом отрывке, обосновывая свою точку зрения, Достоевский указывает на «этот несомненный, чистый, бескорыстный демократизм общества, начавшийся еще давно и проявивший себя освобождением крестьян с землею».

Таким образом, само общество, «начиная с самого верху», должно, по мысли Достоевского, пойти навстречу народу — вот почему «наш демос <...> чем далее, тем более будет удовлетворен». И если в настоящем, — пишет Достоевский, — еще многое неприглядно, то, по крайней мере, позволительно питать большую надежду, что временные невзгоды демоса непременно улучшатся...» (XII, 276).

Надеждам писателя не суждено было осуществиться. Его исторический оптимизм не нашел подтверждения: напрасно он полагал, будто бы «противников демократизма <...> у нас теперь очень мало». Кстати, в рукописи окончание этой фразы (и всего рассуждения) выглядит несколько иначе: «очень мало, что почти и нет, а если и есть, то попрятались»¹⁴.

Надо сказать, что уже к 1877 г. многие иллюзии Достоевского были развеяны самой жизнью. Поэтому тон «Дневника» 1877 г. несколько иной. В этом смысле интересно сравнить отрывок № 3 (1876 г.) с отрывком № 2 (1877 г.) — между ними почти годовой интервал. И если в мае 1876 г., говоря о «временных недугах» общества, Достоевский заявляет, что оно тем не менее «становится [народным] хочет стать народом», то уже в августе следующего года, в отрывке, чрезвычайно резко по тону, писатель не находит для этого общества никаких добрых слов.

Помимо публикуемых ниже отрывков приведем здесь еще несколько фрагментов из черновой рукописи, к майскому «Дневнику» 1876 г., которые не вошли в окончательный печатный текст.

Первый из этих отрывков предназначался для главки «Одна несоответственная идея», посвященной самоубийству акушерки Писаревой. Писатель ссылается еще на один случай самоубийства:

«Под Москвой, за городом застрелился один семинарист в Богородске, кажется, нет со мной теперь этого номера газеты, он не нуждался, был обеспечен, но оставил записку, что не хочет жить вором»¹⁵.

Любопытны неопубликованные фрагменты из главки «Нечто об одном здании. Ответственные мысли». Повествуя о своем посещении Воспитательного дома, Достоевский делает, как обычно, далеко идущие обобщения. Он пишет о судьбе детей, этих

ке» характер абсолюта — с точки зрения нравственности оцениваются как всемирно-исторические события, так и «мелкие», казалось бы, явления общественного бытия. Этическое пространство «Дневника» нераздельно: макрокосм соединен здесь с микрокосмом, их стихии слиянны.

В связи с посещением Воспитательного дома находится и упоминание Достоевским романа Виктора Гюго «Отверженные»¹⁷. Достоевский развивает свою мысль о судьбе незаконнорожденных детей; «Les misérables» вспоминаются именно по этому поводу: «Поэзия иногда касается этих типов, но редко. Кстати мне припомнился сыщик Javert из романа Victora Гюго „Les misérables“ — он родился от матери с улицы, чуть ли не в укромном уголке, <...> и всю жизнь ненавидел этих женщин. Он за ними присматривал как полицейский и был их тираном. Он всю жизнь обожал крепкий порядок, данный строй общества, богатство, имущество, родонаучальность, собственность и не как лакей, о, совсем нет. Я ничего не читал глубже в этом „отрицательном“ роде. Говорят о реализме в искусстве: Javert не реализм, а идеал, но ничего нет реальнее этого идеала»¹⁸.

Фрагменты, публикуемые под № 4 и № 5, представляют собой тонкие социально-психологические зарисовки. В этих отрывках Достоевский как бы намечает своеобразную классификацию различных психологических типов русского общества.

Интересно, что развиваемые здесь идеи почти в том же виде присутствуют уже в черновых записках к «Подростку». В этом нетрудно убедиться, сопоставив оба текста. В записках к «Подростку» читаем: «Нигилисты — это [мы] в сущности были мы, вечные искатели высшей исти. Теперь же пошли или равнодушные тупицы или монахи. Первые — это „деловые“, которые очень, впрочем, нередко застреливаются, несмотря на всю свою деловитость. А монахи — это социалисты, верующие до сумасшествия, эти никогда не застреливающиеся.

— Полноте, нигилисты ли не застреливаются?

— Это попавшие в нигилизм ошибкой. Нигилизм без социализма — есть только отвратительная нигилиятина, а вовсе не нигилизм. Так и называй: „нигилятина“. Тут или глупость, или мошенничество, или радость праву на бесчестье, но вовсе не нигилизм. Всего же чаще радость праву на бесчестье. Настоящий нигилизм, истинный и чистокровный, это тот, который стоит на социализме. Тут все — монахи. Чистый монастырь, вера беспредельная, сумасшедшая. Потому-то и отрицается все [весь свет], что противно социализму, что веруют. Все, что не по вере их, то и отрицается. А что не по вере их? Весь наш мир. Вот наш мир и отрицается.

Подросток. Что ж, тут все разряды или есть еще?

— Есть еще третий разряд — чистокровные подлецы всех сортов, но эти всегда и везде одинаковы, так что об них не стоит и говорить»¹⁹.

Этот же цикл идей повторяется в публикуемых фрагментах. И там и здесь сближаются нигилизм и идеализм как явления, проистекающие из одного источника, и там и здесь проводится членение на «разряды». Совпадают даже словесные формулировки («право на бесчестье»). «Идея, попавшая на улицу», — этот мотив вновь и вновь повторяется писателем. «Высшая мысль» оплошляется «золотой серединой». Как уже указывал А. С. Долинин, толкование Достоевским этого вопроса приближается к положениям известной статьи Н. К. Михайловского «Идеализм, реализм и идолопоклонство», автор которой говорит о том, что «пришлые люди, подобрав наши краткие и ясные формулы <...>, навесили на них всевозможные грязные попонзновения, всяческую низость, всякое, совсем не подходящее нравственное тряпье, подобранное ими на заднем дворе практической жизни»²⁰.

В последнем из публикуемых отрывков (№ 6) речь по сути дела идет о тех же нравственных коллизиях, которые занимали особенно большое место в творчестве Достоевского, начиная с «Записок из подполья» и «Преступления и наказания». Нетрудно заметить, что суждения «парадоксалиста» строятся на своеобразно трансформированных идеях «разумного эгоизма» — именно в том виде, какими они становятся, «попав на улицу». С другой стороны, рассуждения «парадоксалиста» восходят к кругу «женевских идей», т. е. к учению Руссо о нравственности, вытекающей не из «любви к ближнему» как таковой, а из некоего «нравственного эгоизма» (ср. запись к «Подростку»:

«Он ненавидит женевские идеи (т. е. человеколюбие, т. е. добродетель без Христа) и не признает в добродетели ничего натурального»²¹.

Впервые публикуемые фрагменты рукописи «Дневника писателя» дополняют наши представления об этом произведении Достоевского.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Старина о «петрашевцах». Публикация и пояснительная статья С. Переселенкова. — В кн.: «Достоевский. Статьи и материалы». Под ред. А. С. Долинина. Пб., Сб. 1, 1922, стр. 369—375.

² В. Л. Комарович. Петербургские фельетоны Достоевского. — В кн.: «Фельетоны сороковых годов». Ред. Ю. Г. Оксманова. М. — Л., 1930, стр. 118—119.

³ А. С. Долинин. Новое о Достоевском. — «Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Факультет языка и литературы», т. IV, вып. 2, 1940, стр. 311—320.

⁴ И. Л. Волгин. Достоевский и царская цензура. (К истории издания «Дневника писателя»). — «Русская литература», 1970, № 4, стр. 112—114.

⁵ Подробнее см. И. Л. Волгин. Нравственные основы публицистики Достоевского. (Восточный вопрос в «Дневнике писателя»). — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», 1971, т. XXX, вып. 4, стр. 312—324.

⁶ См. И. Л. Волгин, В. Л. Рабинович. Достоевский и Менделеев: анти-спирический диалог. — «Вопросы философии», 1971, № 11, стр. 103—115.

⁷ А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 254.

⁸ «Письма», IV, стр. 9, 33.

⁹ «Письма Владимира Сергеевича Соловьева». Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1908, т. II, стр. 5.

¹⁰ Там же, стр. 28.

¹¹ Э. Л. Радлов. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. СПб., 1913, стр. 14.

¹² «Письма В. С. Соловьева», т. II, стр. 279.

¹³ Об этом см. подробнее в статье «Нравственные основы публицистики Достоевского».

¹⁴ ИРЛИ, ф. 100, № 2461. ССХБ. 10, л. 21 (нумерация авторская).

¹⁵ Там же, л. 18. — Достоевский, по-видимому, имеет в виду заметку в «Московских ведомостях», 1876, № 122, 17 мая, о самоубийстве в Останкине (а не в Богородском) Г. М. Холмогорова. Холмогоров был не «семинаристом», а имел звание сельского учителя и служил в правлении Московско-Рязанской железной дороги. Он оставил записку: «Застрелился потому, что не умею грабить». В тетради Достоевского за 1876—1877 гг. имеется запись: «Застрелившийся в Останкине учитель» («Лит. наследство», т. 83, стр. 537).

¹⁶ Там же, л. 15.

¹⁷ О творчестве В. Гюго Достоевский говорит неоднократно; впервые еще в 40-х годах. Так, в письме к брату: «Victor Hugo как лирик, чисто с ангельским характером, с христианским младенческим направлением поэзии, и никто не сравнится с ним в этом...» («Письма», I, стр. 58). См. также «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского». СПб., 1883, стр. 244 (первая пагинация); «Письма», III, стр. 206; А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 258.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 100, № 2461. ССХБ. 10, лл. 15—16.

¹⁹ «Лит. наследство», т. 77, 1965, стр. 125—126.

²⁰ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 4. СПб., 1909, стр. 40—41.

²¹ «Лит. наследство», т. 77, стр. 89.

<1>

* [А кстати уж еще раз и отступая от дела, и пусть это будет глава лишняя: существует ли пророчество, т. е. существует ли в человеке способность пророческая? Говоря так, я предполагаю лишь естественную способность, заключающуюся в организме человека (или даже нации), но, разумеется, исключая из вопроса моего совершенно тот дар пророчества, о котором говорит священное писание. Та тема особенная и к настоящему вопросу не подходящая. Современная наука, столь много трактующая о че-

* Конец текста, находящегося в ЛБ. Далее следует текст по рукописи, хранящейся в ИРЛИ.

ловеке и даже уже решившая много вопросов окончательно, как сама она полагает, кажется никогда еще не занималась вопросом о способности пророчества в человеке] — // [потому ли что ей некогда было или потому что не находилось достаточно фактов для начала исследования [тем не менее даже], или даже для возбуждения самого вопроса] [Тем не менее] [Кстати] В вопросе о способности пророчества в человеке, способности предчувствий и т. д. уверены очень многие в наше время [и даже слишком многие] и, главное, даже из самых образованных людей. Правда, никто не умеет ничего сказать точно, и все только разводят руками перед фактом. [Но хорошо ли так оставлять дело со стороны науки, хорошо ли оставлять нечто предвзятое, а, может быть, и совершенно предрассудочное в людях. Наука находит же бесспорно необходимым, прежде всего, искоренение предрассудков, для расчистки себе поля действия, а мистические предрассудки всех сильнее.] [А потому] Но факты, факты: * Как же начинать науке без твердых фактов? Вот для того-то их и надобно проверить, и ученый, если б пожелал ими заняться, нашел бы их сколько угодно. Он сразу вывел бы два презанимательных для него заключения: 1) чем презрительнее относится к ним наука, тем сильнее они размножаются и 2) что верующих в эти факты не одна лишь чернь, не одни лишь необразованные, а, напротив, найдутся и немало высокообразованных людей и даже ученых. Само собою, крупные и, так сказать, исторические факты, даже и [недавние] столь давние, трудно проверить. Предсказание, н(а)при(м)ер, того француза, который, в семидесятых годах прошлого столетия на одном тогдашнем «ужине» предсказал смерть короля [с замечая] и всего королевского дома, с замечательною подробностью, что одному королю дадут в последние минуты перед казнью духовника, — предсказание это, несмотря на то, что засвидетельствовано одной писательницей, конечно, трудно теперь проверить и считается недоказанным. Любопытно только то, что предсказание это было высказано без малейшего мистического или религиозного оттенка, светским, хотя и весьма странным, как передано, человеком. Более, кажется, доказанными считаются предсказания Сведенберга в Швеции, [ученого много] известного ученого, много оказавшего пользы в свое время своему отечеству по минералогии и по устройству рудокопен¹. Он написал несколько мистических сочинений и одну удивительную книгу о небесах, духах, рае и аде, как очевидец, уверял, что загробный мир раскрыт для него, что ему дано посещать его сколько угодно и когда угодно, что он может видеть всех умерших, равно как всех его духов и низших и высших и имеет с ними сообщение. Вот про него-то идет предание, что он, по смерти одной коронованной особы, по просьбе // королевы отыскал какие-то важные затерянные бумаги, отправившись нарочно затем в небеса переговорить с покойником. Что книга его о небесах, аде и рае — искренняя и не лживая — в этом не может быть ни малейшего сомнения, но в то же время нет ни малейшего сомнения в том, что она плод болезненной галюцинации, начавшейся у него лишь в годах преклонных и продолжавшейся 25 лет и, что всего замечательнее, продолжавшейся именно в эпоху самой плодотворной научной его деятельности. В том же, что книга эта есть плод галюцинации, убедится всякий, ее прочитав: в ней до того выразился протестант со всем духом протестантизма и с его предрассудками, что не останется ни малейшего сомнения, по прочтении ее, что она вышла вся лишь из души и сердца самого автора, конечно, вполне веровавшего в истинность своей галюцинации. Но если б [возможно было к тому же доказать и истинность] к тому же была доказана и истинность факта об отысканных после покойника бумагах², —

* С этой фразы начинается вставка, расположенная на лл. 7—8 (пагинация архивная).

Написано в Петербурге 22 Января 1876 г.
Вручить
Почтой
Секретари
Общества
Любителей
Духовного
Просвещения

Получил:
Секретари
Общества
Любителей
Духовного
Просвещения
Вручить

Вручить
Секретари

Гг. члены С. Петербургского Отдела Общества Любителей Духовного Просвещения приглашаются на заседание, имеющее быть *из Четверга*, 22 сего Января, в 8 1/2 часов вечера, в помещении ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического Общества, у Чернышевского моста, доль бывшаго Министра Народнаго Просвещения.

ПЕРЕЧЕНЬ ЗАНЯТИЙ:

1. Продолжение разсуждений по поводу Болонской конференции.
2. Заявление по тому же предмету члена Общества А. В. Тачалова.
3. Выдержки из корреспонденции секретари Отдѣла съ Англо-Континентальнымъ Обществомъ.
4. Сообщеніи Секретари Отдѣла о старо-католическомъ движеніи въ Италіи.

Лица не состоящи Членами С. Петербургскаго Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, но интересующіяся вопросами, предложенными обсужденію, допускаются въ засѣданіе въ качествѣ гостей.

Въ этомъ засѣданіи будетъ раздѣляться Гг. членамъ, не бывшимъ на прошлѣмъ засѣданіи „Сборникъ Протоколовъ за 1874/75 годъ“

Секретарь Отдѣла покорнѣе проситъ Гг. членовъ, являющихъ свои квартиры — сообщать ему новыя свои адреса.

А. А. Кирѣевъ живетъ: Фонтанка, д. № 47.

ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ», 1876 г.

Сделаны на повестке С.-Петербургскаго отделения «Общества любителей духовнаго просвѣщенія» 22 января 1876 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

то для науки получился бы важный фактъ, а именно болезненность того состоянія, при которомъ возможно в человѣкѣ пророчество, или, лучше сказать, что пророчество есть лишь болезненное отпаиваніе природы человѣческой. Но все это было давно. В наше время, какъ на крупный фактъ, летъ тридцать или сорокъ сряду, указывали на гадалщицу мадмуазель Ленорман³. Этой еще и теперь есть свидѣтели и даже до сихъ поръ помещаются иногда в газетахъ извѣстія о ея чрезвычайныхъ и точныхъ предсказаніяхъ инымъ лицамъ*. Если способность пророчества действительно есть в человѣкѣ, заключается в самой природѣ его, в организмѣ его, положимъ при извѣстныхъ, особыхъ усл(овіяхъ), но совершенно естественныхъ условіяхъ, то какъ бы хорошо и полезно было разъяснить, очистить фактъ, хотя бы только отъ мистической его примеси. Вопросы же сами собой представляются: Если действительно существуетъ дар пророчества, то какъ болезнь или какъ нормальное отпаиваніе? Если существуетъ способность пророчества, то во всехъ ли людяхъ, болѣе или менѣе разумеется, или в самыхъ редкихъ случаяхъ, из множества миллионовъ людей в одномъ какомъ-нибудь экземплярѣ? И проч. и проч. Правда, заниматься даже [этимъ] такимъ вопросомъ, даже только ставить его какъ тему исследования, в нашъ векъ *недостаточно* // либерально и можетъ компрометировать серьезнаго человека, темъ болѣе научнаго исследователя, но лучше что ли, если люди будутъ веровать про себя, тишкомъ, да тайкомъ, богъ знаетъ во что? Я осмѣливаюсь выразить мнѣніе, что подобныя верованія, оставленные безъ вниманія и разъясненія, безъ расчистки, такъ сказать, поля, вредятъ делу преуспѣянія человѣческаго

* Конецъ вставки.

и самой даже науке несравненно более, чем сама наука полагает. Слишком уж высокомерно и предвзято смотрит она в наш век на иные предметы. Если бы, например, наука добилась того, что дар пророчества есть дело естественное, хотя бы и ненормальное, болезненное, но свойственное организации человека, тогда, думаю, было бы чрезвычайно много разом порешено. (Ведь есть же, например, какая-то болезнь, кажется в Шотландии, называемая двойным зрением, ведь разъяснена же она, ведь не верят же в нее как в чудо?)

Древний мир, до христианства, [кажется] верил в существование способности пророчества в человеке, кажется, безусловно. В средние века христианства и даже в весьма недавние века, кажется, тоже не возбуждалось ни малейшего сомнения в существовании этой способности, и ей тоже буквально все верили. В эти века христианства к чистым и высоким верованиям примешивалось, как известно, слишком много предрассудочного, чудовищного и отвратительного [и, главное,], которому не только верили, но, что главное, которому повелевалось веровать чуть не наравне с самыми незыблемыми религиозными основами. В наш век люди науки [все это] много из того, чему верили прежде, называют свысока предрассудками, предвзятыми идеями, болезненностью, а главное — не устаивают даже исследования, правда, мы еще слишком недалеко отошли от тех темных веков и влияния их, так // что презрение науки и отношение ее свысока ко многому, что было в те еще недавние почти времена понятно, да и образовалось к тому же, как мы упомянули [к тому же] ложный стыд: недостойно-де науке этим заниматься. Но не «предвзятость» ли, не предрассудок ли со стороны науки так относиться к иным вещам, голословно и ничего не разъяснив в точности. Вспомните, что в человеке вообще, и кто бы он ни был, в чрезвычайной силе развито [убеждение] верование, хоть не в пророчество, но, например, в способность предчувствия. В этой способности предчувствия убеждены люди лично, про себя, чуть не все сплошь. Если же она есть (а почти ведь наверно можно сказать, что она существует) то что она такое? И удостоил ли кто из людей науки обратиться на нее <1 нрзбр.> внимание серьезное? А между тем, сообразите, сколько может произойти от этого верования в способность собственного, личного предчувствия — других убеждений, например, хоть лишь убеждение в дурном глазе: т. е. в способности сглазить, прямо проистекающая из способности предчувствия, — убеждение, которому веровали и продолжают верить столь многие из самых образованнейших людей. Кстати, один недавний анекдот о дурном глазе: нынешней весной один мой знакомый (не могу назвать его имени) зашел как-то, по встретившемуся делу, на Охту, где не был почти пятнадцать лет. Прежде и особенно в детстве своем он часто бывал на Охте и даже жил там некоторое время. Естественно, в нем разгорелись воспоминания, и он даже нарочно прошел по одной из тамошних улиц, наиболее напомилавших ему минувшее. Через два часа, встретясь со мной и рассказывая свои впечатления, он мимоходом заметил, что даже удивился, как // там, в целые пятнадцать лет ничего не изменилось, те же дома и даже почти не постарели: «И странно даже, — прибавил он, — строение деревянное, в Петербурге так часто пожары, а там — благословенное место — ни одного-то пожара, все уцелело, и я, проходя, невольно даже об этом подумал». На другой день этот знакомый приносит мне газету и указывает место, где извещали, что вчера, в таком-то часу [ровно два час<а>] на Охте (т. е. ровно два часа спустя как там был мой знакомый и именно в той самой улице, в которой он подумал о пожарах) сгорело восемь домов. Бесспорно случайность, и сомнения в том нет никакого, но так как этот знакомый и до того еще был уверен [в своем черном глазе или] в своей способности предчувствия, бессознательной угадки, и даже сам много раз перед тем и давно уже говорил мне об этой своей

способности и рассказывал множество случаев с ним в этом роде, то и в этот раз он [невольно], конечно, остался и даже утвердился еще более в своем убеждении. Положим, он сам смеется над этим, но все продолжает веровать, как-то невольно, неотразимо. Согласитесь, что если все эти бесчисленные у людей случаи — ложь, то как должна вредить эта ложь и как важно разъяснить и раз навсегда. Если же оказалось, что все это не ложь, а многое из этого есть, существует и происходит по известным определенным законам, то опять-таки, согласитесь, как важно было бы такое строго научное исследование во всех отношениях и сколько пользы опять-таки могло бы принести оно. Заметьте еще: если в природе человека существует действительно способность предчувствия, то в высших степенях своих, в тахим'уме своего проявления [она-то ведь и есть] (хотя бы и в чрезвычайно редких случаях проявления этого тахим'ума) — она-то ведь и есть дар пророчества: как же людям не веровать [в него] после того и в дар пророчества? Тема эта, впрочем, обширная и хоть не либерально, и об ней мож(но) бы когда-нибудь особо поговорить * //

Я привел пример лишь, чтоб наглядно показать, как могут совсем невольно укореняться самые роковые иногда убеждения. (Столь многих, утвердившихся в наш век на спиритизме, я считаю решительно постигнутыми злым роком.) Кстати, забыл сообщить. Тот же [исследователь] путешественник, который сообщил мне выписку из книги Иоанна Лихтенбергера, отыскал в Париже, в другой библиотеке другую книгу предсказаний, тоже шестнадцатого века и тоже на латинском языке. В ней довольно точно предсказана французская революция. Между прочим сказано *en toutes lettres* ** и еще два раза, что в 1878 *** году (т. е. в будущем году) начнется конец мира, и что этот 1878 год будет «первым годом начала конца мира». Предсказание это имеет смысл отчасти клерикальный, ибо приравнено, что конец мира начнется именно с того, что в этом 1878 году власть святейшего отца папы перейдет в чужие, недостойные, неподобающие руки. [Без всякого сомнения и это вздор, но однако же.] Тут любопытнее всего то, что год помещен *en toutes lettres*, и кто же не скажет, что тут есть нечто, верно попавшее в точку, и что если папа Пий IX умрет [даже] в этом году или в будущем (что кажется несомненно), то в католическом мире может разразиться огромный спор о его преемнике, разлад и даже так, что избранный преемник его может быть не признан целую половиною католичества, как избранный неправильно и недостойно ⁴. Согласитесь, что вот этакие угадки современных событий за триста лет с точным обозначением года, настолько странны (<1нрзбр.>), любопытны, что могут довольно influentially действовать на некоторых людей, особенно расположенных к восприятию иных убеждений. Факт существования этой книги не подвержен ни малейшему сомнению; за нужду я могу сообщить № шкафа и № книги. Между // тем наука прямо говорит: «Все это вздор, потому что ничего этого не может быть». Так, по крайней мере, относится наука к спиритизму, и спириты, может быть, с большею логикой возражают ей: «Все это *может быть*, потому что все это есть, т. е. потому что неразъясненные факты налицо». Но наука отвергает факты голословно и пока спокойна, а лучше, что ли, будет, когда весь темный люд, рабочие и мужики засядут за столы и начнут вызывать духов. А вряд ли этого не будет, и всякий шаг вперед отдалится лет назад ****. Кстати, про меня упомянули как-то печатно, что я тоже наклонен к спиритизму ⁵. Дай бог, любому противнику спиритизма быть таким ненавистником его, как я, но я ненавижу лишь отвратительную гипотезу духов и сношений с ними, насколько

* Последняя фраза приписана, по-видимому, позже, белым почерком.

** буквально (франц.).

*** Исправлено из: 1888.

**** Так в тексте: очевидно, слово пропущено.

может чувствовать к ней отвращение человек, не потерявший здравого смысла. Но откладывая лишь мистическое толкование фактов, я все еще остаюсь в убеждении, что факты эти требуют строгой проверки и что наука, может быть, не сказала об них не только последнего, но и первого слова. Я, разумеется, могу ошибаться, но в таком случае я ошибаюсь вместе с сотнями тысяч людей, люди же науки вместо тщательного, непредвзятого отношения к факту, говорят лишь: «Ничего этого нет, потому что не может быть».

Мне передавали, между прочим, что некоторые из нашего духовенства отчасти обрадовались спиритизму: возбудит, дескать, веру, по крайней мере, явление духов протестует против всеобщего материализма. Вот рассуждение-то! Нет уж лучше чистый атеизм, чем спиритизм!

Публикуемая глава «разорвана» на две части: ее начало хранится в ЛБ, ф. 93, I, 2. 12, а продолжение — в Ленинграде (ИРЛИ, ф. 100, № 29479. ССХб. 12). В московской рукописи на стр. 111 находится абзац, отмеченный А. Г. Достоевской красным карандашом с ее пометой: «Не напечатано». В ИРЛИ имеется копия этого начала, сделанная рукой А. Г. Достоевской с надписью: «Начало отрывка, не помещенного в мае—июне 1877 г. „Дневник писателя“». Это начало списано мною со страницы 111 отданной в музей рукописи. Май—июнь».

Таким образом, в ИРЛИ хранится основная рукопись. Она представляет собой автограф с поправками на 8-й странице. Основной текст расположен на лл. 1—6; текст на лл. 7—8 является вставкой к л. 1 (вместо зачеркнутых семи строк).

Весь текст, хранящийся в ИРЛИ, с левой стороны отчеркнут красным карандашом. На л. 6 А. Г. Достоевской написано: «Все отчерченное красным карандашом не напечатано». На л. 8 об. ее же карандашная помета: «Находилась в рукописи май—июнь 1877. „Дневник писателя“». Не была напечатана».

Мы публикуем весь отрывок, восстановив его органическое единство, причем вставка, находящаяся на лл. 7—8, располагается вслед за семью перечеркнутыми строчками, место которых она должна была занимать. Месторасположение каждой части отрывка оговаривается.

Этот отрывок, скорее всего, представляет собой самостоятельную главку первой большой главы майско-июньского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. О самостоятельности отрывка свидетельствует сам Достоевский: «А кстати уж еще раз и отступаю от дела, и пусть это будет глава лишняя».

¹ Эммануил *Сведборг* (Сведенборг; 1689—1772) — член Академии наук в Упсале (Швеция). Был избран членом Стокгольмской и С.-Петербургской академии наук. Автор многочисленных сочинений по естественным наукам (горное дело, выделка железа и т. д.). С 1747 г. целиком отдался сочинению мистических книг (на латинском языке), в которых рассказывает о своих «посещениях» загробного мира. В России популяризации личности и учения Сведенборга занимался А. Н. Аксаков. В библиотеке Достоевского имелись следующие книги Сведенборга и о нем (все — издания А. Н. Аксакова): А. Н. А к с а к о в. Евангелие по Сведенборгу. Пять глав Евангелия от Иоанна с изложением и толкованием их духовного смысла по науке о соответствиях. Лейпциг, 1864. — «О небесах, о мире духов, и об аде, как то слышал и видел Э. Сведенборг. Лейпциг, 1863. Перев. с латинского. — «Рационализм Сведенборга. Критическое исследование его учения о св. писании» (А. Н. Аксакова). Лейпциг, 1870 (см. Л. П. Г р о с с м а н. Семинарий по Достоевскому. М. — Пг., 1923, стр. 42).

Интересно, что трактовка Достоевским мистических видений Сведенборга существенно отличается от писаний по этому вопросу А. Н. Аксакова. По мнению последнего, «Сведенборг может быть назван предтечею спиритизма». Аксаков считал, что «спиритизм, подтверждая фактически видения великого духовидца, снимает с него укор мистицизма и помешательства, который доселе почти что затмевал его славу, даже как глубокого естествоиспытателя и философа» («О небесах, о мире духов, и об аде...»). Предисловие А. Н. <А. Н. Аксакова>, стр. XIV. В отличие от Аксакова, Достоевский отнюдь не полагал, что спиритизм подтверждает «фактически видения великого духовидца». Наоборот, мистические сочинения Сведенборга воспринимаются им исключительно как «плод галлюцинации».

² Рассказ о просьбе королевы к Сведенборгу, очевидно, взят Достоевским из той же книги А. Н. Аксакова. Из текста Достоевского не совсем ясно, о чем идет речь. Вероятно, он имеет в виду не один, а два «случая»: они как бы наложились в сознании писателя один на другой (см. стр. XXIX — XXX в книге Аксакова). Первый — это обращение шведской королевы Луизы Ульрики к Сведенборгу с поручением к ее умершему брату и исполнение Сведенборгом этого поручения; второй — помощь Све-

денборга некоей вдове в отыскании квитанции, спрятанной ее покойным мужем (см. стр. XXIX — XXXI в книге Аксакова).

Известно о большом интересе к личности и сочинениям Сведенборга Канта. О Сведенборге существует обширная литература. Достоевский мог ознакомиться также с его жизнью по книге «Этюды. Популярные чтения М. И. Шлейдена». М., 1861, стр. 184—188). См. Hands. Ein Beitrag zur Theorie der Geisterkunde von G. T. von Meyer Traukfurt. М., 1810.

³ О Ленорман Достоевский, в частности, мог прочитать в книге М. П. Погодина «Простая речь о мудреных вещах». М., 1874, стр. 25 (вторая пагинация). Любопытно, что две главки «Дневника писателя», 1876 г. имеют заголовок, сходный с названием книги Погодина, — «Простое, но мудреное дело» (октябрь) и «Опять о простом, но мудреном деле» (декабрь).

В указанной книге Погодина вообще приводится великое множество примеров различных таинственных явлений — предчувствий, предзнаменований, пророчеств и т. п. Там же, в частности, говорится и о «двойном зрении» (second sight), упоминаемом Достоевским (стр. 32—34, вторая пагинация). Об этом явлении писатель мог прочесть и в записках А. Д. Блудовой («Заря», 1871, март).

⁴ О положении в католическом мире в связи с ожидаемой смертью папы Пия IX Достоевский неоднократно говорит на страницах «Дневника писателя». Этому вопросу русская периодическая печать уделяла в 1877 г. значительное внимание.

⁵ Очевидно, Достоевский имеет в виду публичные чтения Д. И. Менделеева о спиритизме, происходившие в апреле 1876 г. в Соляном городке в Петербурге. Отчет о них помещался в газетах. На чтении 25 апреля Менделеев, в частности, сказал: «Г. Достоевский в своем талантливом „Дневнике писателя“ в январском № посвятил спиритизму несколько страниц и <...> проходит насчет спиритизма, только берет поглубже, но все же с оттенком неуверенности <...> Г. Достоевский кладет на спиритизм оттенок чертовщины; но оттенком сомнения и у него остается. Это было в феврале. Читайте теперь мартовский № его дневника <...> Здесь вы не видите и тени сомнения <...> ясно, что труды комиссии оказали свое влияние на мнение литератора о спиритизме...» («Материалы для суждения о спиритизме». Издание Д. Менделеева. СПб., 1876, стр. 354). На это замечание писатель иронически откликнулся в апрельском «Дневнике»: «Г. Менделеев уже приписывает „отчету“ комиссии врачебное действие на писателей <...> в „Дневнике“ своем и Достоевский поправился: в январе он был наклонен к спиритизму, а в марте уже бранит его <...> Так, стало быть, почтенный г. Менделеев подумал, что я в январе хвалил спиритизм? Уж не за чертой ли?» (XI, 277).

<2>

Глава вторая

ОПЯТЬ ОБОСОБЛЕНИЕ.

ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

Весь русский интеллигентный слой, т. е. все русские, стоящие над народом (теперь уже огромный слой, заметим это), — все, в целом своем, — никуда не годятся. Весь этот слой, как слой, как целое — до нельзя плохой слой. Другое дело, если разбить это целое на единицы и разбирать по единицам; единицы, т. е. частные лица весьма бывают и недурны и даже во множестве. Совсем другое в народе: в народе целое — почти идеально хорошо (конечно, в нравственном смысле и, разумеется, не в смысле образования науками, развития экономических сил и проч.). Но и единицы в народе так хороши, так бывают хороши, как редко может встретиться в интеллигентном слое, хотя несомненно довольно есть и зверских единиц, а не прямо зверских, то до безобразия невыдержанных. Да, в этом нельзя не сознаться, но не знаю почему так, но в большинстве случаев вы сами как будто отказываетесь произносить суд ваш над этими зверскими единицами, отказываетесь по совести и [не оправдывая их] извиняете, однако, народное образование. Но эту тему мы пока оставим, зато, повторяю, целое всего народа в совокупности, и все то, что хранит в себе народ как // святыню, как *всех связующее*, так прекрасно как ни у кого, как ни в каком народе, может быть. Что такое это единое и связующее — здесь не место объяснять, да и не о том я хочу говорить. Но связан и объединен наш народ пока так, что его трудно расшатать. Хомяков говаривал, гово-

рят, смеясь, что русский народ на страшном суде будет судиться не единицами, не по головам, а целыми деревнями, так что и в ад и в рай будет отсылаться деревнями. Шутка тонкая и чрезвычайно меткая и глубокая.

Зато в интеллигенции нашей совсем нет единения, никакой силы единения до сих пор не обнаружилось. Мы, например, прецехие граждане. Если б не было народа и сверху над ним царя, то мы, я думаю, и не шевельнулись бы соединиться в двенадцатом году. Вот уже где немыслимо аристократическое начало—так это у нас! У нас никогда не могло быть ничего подобного, как было когда-то в Польше, или даже как теперь в Англии. Верх нашей интеллигенции не только не может отъединить в себе, отдельно и исключительно, право изображать собою гражданство всей страны, но, напротив, без народа и сил, почерпаемых из него беспрерывно, утратил бы мигом даже и самую национальную свою личность. И как бы ни относились недоверчиво иные из нашей интеллигенции (очень многие еще) к духовным силам народа нашего и к крепости и благонадежности его национальных основ, его все же без этого самого народа никакая Европа не спасла бы // этих иных, до сих пор этот народ презирающих, от совершенной гибели и сведения на нет. Без этого народа они, в ожидании пока переродились бы в европейцев, утратили бы не только всякую национальную самостоятельность, но и просто человеческое достоинство.

Лишь беспрерывным, не останавливающимся соприкосновением нашим с народом мы, верхний слой его, существуем, тянемся кое-как, а подчас даже оживляемся и обновляемся. Это беспрерывное соприкосновение наше с народом и обновление себя его силами в большинстве интеллигенции нашей происходит, увы, до сих пор почти бессознательно. Силы-то мы из народа черпаем, а народ все-таки свысока презираем.

А граждане мы, интеллигенция русского народа,— плохие. Мы при первой неудаче сейчас же в обособление и отъединение, и так весьма часто бывает с лучшими и умнейшими из интеллигентных русских людей. Я уверен, что даже теперь, вот например, хоть после неудачи при Плевне, страшно много произошло обособлений и отъединений, не говоря уже о разочарованиях, т. е. о внезапной потере веры в русскую силу¹. А, впрочем, и без Плевны в русскую силу еще мало кто в интеллигентном слое нашем верил. Мысль же о том, что русским [так же как и всем] по примеру всех народов пред // назначено сделать что-нибудь особое для всего человечества, что-нибудь совсем новое, *свое*, и еще неслыханное прежде ни от кого,— эта мысль до сих пор чрезвычайно удивляет, кажется дерзкою, смешит, и, прямо скажу, лично обижает огромное большинство интеллигентных русских людей. А, впрочем, что Плевна: обойди нас чином, предпочти перед одним другим, откажи в какой-нибудь просьбе, обидь нас хоть маленько и, повторяю, даже лучшие единицы из интеллигенции нашей способны тотчас же удариться из гражданства в обособление и пожелать отъединиться в свой угол. В народе не так: в народе нашем в беде и неудаче все единятся, и чем больше беды, тем крепче единение.

Кстати: у нас очень многие теперь из интеллигентных русских повадились говорить: «какой народ? я сам народ». В восьмой части *Анны Карениной* Левин, излюбленный герой автора романа, говорит про себя, что он *сам народ*. Этого Левина я как-то прежде, говоря об *Анне Карениной*, назвал «чистый сердцем Левин». Продолжая верить в чистоту его сердца по-прежнему, вижу теперь, что и он с любовью норовит в обособление.

ИРЛИ, ф. 100, № 29483. ССХб. 12. Текст расположен на 2-х лл.: л. 1—1 об.—рукой А. Г. Достоевской; л. 2—2 об.—рукой Достоевского; его же рукой написан заголовок и сделаны немногочисленные поправки. Рукопись беловая, наборная, но до типографии она, очевидно, не дошла, так как не имеет обычных в таких случаях следов типографской краски. На л. 1 в левом верхнем углу помета А. Г. Достоевской (красным карандашом): «Не напечатано».

Якову Петровичу Полонскому
дорогому другу от автора

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

1876.

ЯНВАРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Вместо предисловія о Большой и Малой Медвѣдкахъ, о молитвѣ великаго Геге и вообще о дурныхъ привычкахъ.

Хлестаковъ, по крайней мѣрѣ враль — враль у горючичаго, но все же капеллеу боялся, что вотъ его возмутъ, да и вытолкнутъ изъ гостиной. Современнико Хлестакову ничего не боялся и вралъ съ полнымъ спокойствиемъ.

Ничего всѣ съ возмущенъ спокойствиемъ. Спокойны и, можетъ быть, даже счастливы. Вралъ ли кто дасть себѣ отчетъ, всякій дѣйствуетъ „просто“, а это уже полное счастье. Ничего, какъ и прежде, всѣ пройдемъ самодовольно, но прежде самолюбие входило робко, оглядывалось анюхачно, глядывалось въ физиономіи: „Такъ-ли я вонюхъ? Такъ-ли я скакалъ?“ Ничего

же хлестаковъ и прежде всего утѣшенъ, входи куда нибудь, что все принадлежитъ ему одному. Если же не ему, то онъ даже и не сердится, а только рѣшаетъ дѣло, не слышали-ли вы про такихъ записочекъ:

„Милый папаша, мнѣ знавать три года, а я еще ничего не съблалъ; убѣжденный, что изъ меня ничего не выйдетъ, я рѣшился покончить съ жизнью“...

И застрѣливаются. Но тутъ хоть что нибудь да полагать: „для чего-де и жить какъ не для гордости?“ А другой посмотреть, походить и застрѣливаются молча, единственно изъ-за того, что у него нѣтъ денегъ, чтобы нанять любовницу. Это уже полное счастіе.

Утѣрять печально, что это у нихъ есть того, что они много думаютъ. „Думаешь — думаешь про себя, да вдругъ гдѣ нибудь и вымрутъ, и именно тамъ, гдѣ нѣтъ ихъ“. Я убѣжденъ, напротивъ, что онъ вовсе ничего не ду-

1

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» 1876 г. (СПб., 1877)
 С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ДОСТОЕВСКОГО:
 «Якову Петровичу Полонскому, дорогому поэту от автора»

Первая страница

Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Публикуемый отрывок представляет собой начало первой главы второй большой главы июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» 1877 г. В рукописи он имеет тот же заголовок, что и вся глава в печатном тексте: «Опять обособление. Восьмая глава „Анны Карениной“».

В печати известен лишь последний абзац этого отрывка — именно с него начинается данная глава — как она публикуется во всех изданиях «Дневника писателя» (XII, 201; несколько фраз из этого отрывка приведены в кн.: Г. М. Фридендер. Реализм Достоевского. М. — Л., стр. 47).

¹ Достоевский имеет в виду два неудачных штурма Плевны русскими войсками в июле 1877 г. Неудачи под Плевной, повлекшие большие людские потери, вызвали острую реакцию в России.

<3>

Вот в этом-то смысле я и выразился, что наш демос доволен или может быть доволен, если и недоволен. Я, впрочем, предчувствовал и тогда, что мнение мое вызовет недоумение.

Иной хитрый казуист, пожалуй, и теперь поймает меня на слове. «Нельзя же, скажет он, про такое общество, от которого сами же вы ждете таких надежд и таких *начал*, говорить так дурно, как говорили вы еще в этом же даже №, страницы две-три выше. Но ведь если я и говорил дурно и даже обещал еще в прошлом № целый трактат о том, чем мы хуже народа, то ведь в то же время я и заявил о той драгоценности, которую мы несем с собою народу. За эту-то драгоценность я и люблю это общество столько же, сколько и народ, несмотря на то, что с таким жаром говорил о его *временных недугах*. Что они временны, в том нет для меня никакого сомнения, и уж один этот несомненный демократизм нашего общества заявляет, опять-таки для меня несомненно, что оно становится [народным] хочет стать народом, а от народа и вылечиться. И хотя влечение [его] к народу наполовину еще и бессознательно, тем не менее чрезмерно важно и характерно. Про положение же общества я все-таки буду писать, равно как и о *драгоценности*, которою оно обладает. Я объяснюсь потом в будущем №, теперь же лишь закину вперед, чтоб не говорить загадками, что драгоценность эта есть то *огромное* расширение русского взгляда и русской мысли, которую приобрели в двести лет столкновения нашего с Европой, но от Европы однако приобрели, [ибо в Евр.] а родили из себя самостоятельно при столкновении с Европой — ибо в Европе собственно ничего нет подобного ни этому взгляду, ни этой мысли, напротив даже — все противоположное. Тем самым мы и заявили, что мы русские и что воротились из Европы русскими. Все это я объясню подробно доводами и примерами, а теперь укажу хоть на одну черту этого расширения взгляда, именно на самый этот несомненный, чистый, бескорыстный демократизм общества, начавшийся еще давно и проявивший себя освобождением крестьян с землею. Это русское дело и дело русского расширения взгляда. Но это лишь еще самая маленькая черта этого расширения, и надеюсь, бог мне поможет быть понятным и выразить в следующих [№] номерах мою мысль уже в полной подробности.

[Временные же недуги общества для меня несомненны, а теперь, в наше время, они даже безобразнее чем когда-нибудь. Что ж, с злорадством разве я говорю это? Да я сам принадлежу к этому обществу и люблю его, повторяю это, столько же, сколько и народ, а теперь так даже и не хочу различать с народом. Недуги же общества не могут не мучать тех, кто принадлежит к нему и кто его любит. Мы несомненно больше народа одарены, например, самолюбием, болезненным и ипохондрическим, и это при страшном шатании [не только] идей, убеждений и воли. Мы заражены в большинстве гадливостью к людям и циническим неверием в человека, не только в русского, но и в европейца, мы заражены жаждой безличности рядом с самым пустозвонным слабоволием, болезненной робостью перед всяким собственным мнением. Мы усвоили бесконечно много самых скверных привычек и предрассудков. Мы видим доблесть в даре одно худое видеть, тогда как это лишь подлость, но всего не перечтешь, и если можно еще ждать спасения и обновления, то, конечно, лишь от русской женщины, которая несомненно лучше русского мужчины и в которой заключена огромная наша надежда.]

ИРЛИ, ф. 100, № 29461. ССХб. 10.

Автограф представляет собой часть третьей главки второй большой главы майского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. В печати главка известна под названием: «Несомненный демократизм. Женщины»; она включает собой майский «Дневник».

Автограф находится в черновой рукописи главы, занимающей шесть больших листов (11 стр.). Рукопись имеет обложку, на которой рукой А. Г. Достоевский написано: «Для Федора Федоровича Достоевского автограф его отца. Дневник писателя за 1876. В рукописи встречаются ненапечатанные отрывки и тирады; они отмечены красным карандашом. Проверено с Марией Васильевной, 24 ноября 1889».

Публикуемый текст располагается на стр. 22 рукописи (авторская нумерация — от 13 до 22 стр.); в известном печатном тексте он должен следовать за фразой: «И если в настоящем еще многое неприглядно, то, по крайней мере, позволительно питать большую надежду, что временные невзгоды демоса непременно улучшатся под неустанным и непрерывным влиянием впредь таких огромных начал (ибо иначе и называть нельзя), как *всеобщее демократическое настроение и всеобщее согласие* на то всех русских людей, начиная с самого верху». После последней фразы отрывка должно следовать: «А в заключение мне хочется прибавить еще одно слово о русской женщине», — и т. д. по опубликованному тексту (XI, 306).

Это утверждение действительно вызвало недоумение читателей. В архиве Достоевского имеется письмо Дмитрия Карташева 10 мая 1876 г. с его возражениями по этому поводу (ИРЛИ, ф. 100, № 29737, ССХ16 6).

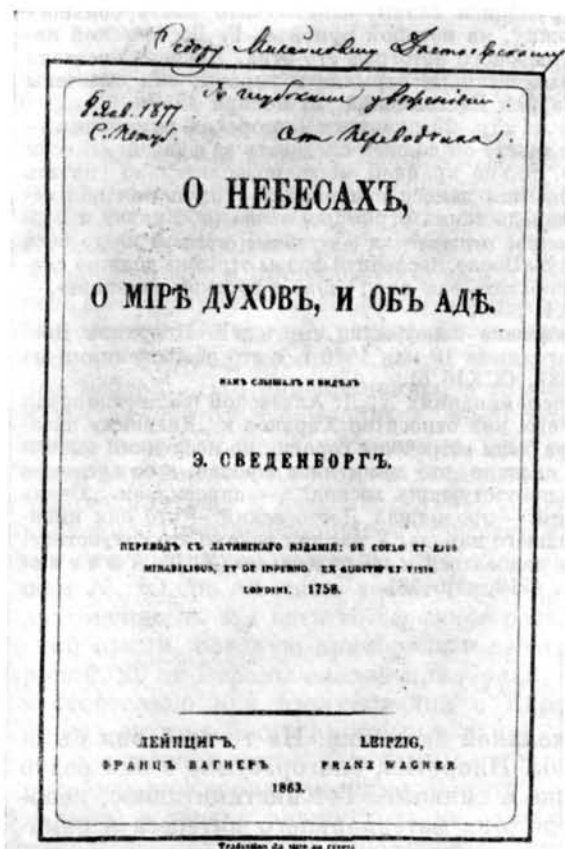
Интересный эпизод приводится в воспоминаниях Х. Д. Алчевской (ее дневниковая запись от 20 мая 1876 г.): «На вопрос его, как относится Харьков к „Дневнику писателя“, я отвечала, что первые три номера были встречены хорошо, но последний вызвал протест, и я указала ему на место, где сказано, что демос наш доволен, а со временем ему будет еще лучше. „А много этих протестующих господ?“ — спросил он. „Очень много!“ — ответила я., „Скажите же им, — продолжал Достоевский, — что они именно и служат мне порукой за будущее нашего народа. У нас так велико это сочувствие, что, действительно, невозможно ему не радоваться и не надеяться» (Х. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое. М., 1912, стр. 78).

〈4〉

〈...〉 места и карьеры еще со школьной скамейки. Не то чтоб они были без страстей и вечно благоразумны. Напротив, благоразумие в них редко бывает, а страстишки бывают даже и сильные. Тут инстинктивное, непосредственное ощущение почти с детства материального интереса и самосохранения во что бы ни стало. Идеи великодушные, требующие труда, страдания и жертв им могут быть знакомы, но редко волнуют их. Но есть третий разряд, [и] «самый несчастный». Это юные и чистые души, с порывом к великодушию, с жаждой идеи, высшей, сравнительно с ordinarilyными и материальными [идеями] интересами, управляющими обществом. Этими юными душами часто овладевают идеи сильные, всего чаще чужие, всего чаще у нас — [на против] заходящие, европейские, [всего чаще нравственные, великодушные, клонящие] из разряда сулящих счастье человечеству и для того требующих коренной реформы человеческих обществ. [Идеи] Эти идеи сваливаются на эти души как камень и как бы придавливают их на всю жизнь, — так что вся остальная // жизнь их состоит как бы из корчей и судорог под свалившимся на них камнем. Разумеется, все эти три разряда я привожу отвлеченно: на деле тут столько варьаций, уклонений, при благородном преследовании высшей цели; столько подчас сознательной плутни с самим собой, столько уступок подлости из видов высшего благородства, столько самолюбия и эгоизма в виде героических жертв. Политические преступники из этого разряда часто преувеличивают свою вину при допросах, единственно из самолюбия, так что жертва собою, которою думают они принести пользу обществу и «общему делу», явно обличается их эгоизмом, совершенным равнодушием к общему делу и служением лишь одному самолюбию.

Возьмите теперь ту среду, то общество, в котором возникает этот третий, «несчастный» разряд нашей молодежи и спросите себя: может ли быть что-нибудь беззащитнее, а в наше время так даже 〈...〉

ИРЛИ, ф. 100, № 29591. ССХб. 36. — Публикуемый отрывок представляет собой черновой автограф на двух листах, имеющих авторскую нумерацию, — 17 и 18; был исключен, по-видимому, при окончательной редакции.

«О НЕБЕСАХ, О МИРЕ
 ДУХОВ И ОБ АДЕ...»
 Э. СВЕДЕНБОРГА
 (ЛЕЙПЦИГ, 1863)

С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
 ПЕРЕВОДЧИКА А. АКСАКОВА
 ДОСТОЕВСКОМУ:

«Федору Михайловичу Достоевскому
 с глубоким уважением от пере-
 водчика. 8 янв. 1877 С.-Петербур.»

Титульный лист. Книга не сохра-
 нилась

Архив Института литературы
 АН УССР, Киев

Определить местоположение отрывка в композиции «Дневника писателя» весьма затруднительно, так как он не обладает бесспорными признаками, могущими указать на его принадлежность к той или иной главе «Дневника». Рукопись не имеет начала и конца, она находится отдельно, а не «внутри» других текстов. Таким образом, остается руководствоваться лишь смысловой близостью этого отрывка к той или иной части печатного текста. Составители «Описания рукописей Ф. М. Достоевского» не без основания относят этот автограф к главе первой, главам III, IV, V декабрьского выпуска «Дневника» 1876 г. («Описание рукописей Ф. М. Достоевского». Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957, стр. 70). Действительно, настоящий отрывок развивает некоторые положения первой главы, а именно — четвертой малой главы, называющейся «Кое-что о молодежи» (XI, 489—491), и, скорее всего, относится именно к этой последней.

(5)

Я никогда потом не мог разубедить себя в этой мысли, и однако же с тех пор прошло двадцать пять лет и утекло чрезвычайно много воды. Впоследствии я пришел к личному моему убеждению, что чем менее на твердой, естественной и народной почве стоит общество, тем сильнее в нем эта потребность «высшей мысли» [и именно в самой юной части его, еще только лишь приготавливающейся жить]* и «высшей жизни» и что в идеале нашем заключается, несомненно, как бы нечто болезненное, чего нет или мало у других наций. В этом смысле даже самый нигилизм есть, конечно, в основе своей потребность высшей мысли. Нигилизм можно в этом смысле

* Вписано на л. 30 об. и зачеркнуто.

отчасти сравнить с атеизмом. То же самое *беспокойство*, которое увлекает и манит жаждущую веры душу к небесам, заставляет и атеиста отвергать веру в эти небеса. Атеизм есть только обманчивое спокойствие, ибо никогда атеизм не обладает душою индифферентной (иначе он не атеизм, а лишь жалкий индифферентизм). Душа, успокаивающая себя полным отрицанием, может быть всего более жаждет положительного подтверждения.

[Но, сделав один вывод (о потребности идеализма), я в то же время сделал и другой, то же по сие время при мне оставшийся и с течением времени еще укоренившийся. Это — что нигде на свете, кроме как у нас, может быть, нет столько мошенников и лакеев мысли, столько самого низменного подбора // людей, как в так называемом классе интеллигентов. Это как бы полная и всегда присущая противоположность идеалистам. Эта так называемая золотая середина, которая, кажется, так и родится бездарною и развратною. Между тем она...] Но этот идеализм как часто становится жертвою самой грубой середины! Особенно в последнее время, вероятно с распространением полубразования. Кажется все больше и больше является совершенно бездарных и развратных людей. При отсутствии всякой потребности в идеале и высшей мысли, они тем не менее льнут к прогрессу, потому что около него им выгоднее. И может быть нигде на свете не размножается столько лакеев мысли и промышленников в либеральном деле, как у нас в последнее время, так этим людям без сомнения живется легче на свете и так как они чрезвычайно нахальны, вследствие своего тупоумия *, то труждающаяся и <1 нрзбр.> молодежь наша, «молодежь идеала» — слишком легко подчиняется им окончательно и отделяется в полное рабство. Отрицание для них — не высшая мысль и не потребность ее, а лишь право на бесчестье. Всякая высшая мысль, до которой они прикасаются, — немедленно ими опошливается. В будущем мечтательном так называемом реальном устройстве общества они видят лишь право...

ИРЛИ, ф. 100, № 29590, ССХб. 36. Черновой автограф на двух листах, имеющих авторскую нумерацию, — 29 и 30.

Этот отрывок, не вошедший в окончательный печатный текст, обладающий теми же признаками, что описанный выше (№ 4). Судя по содержанию, он также относится к первой главе декабрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. (главки III, IV, V).

<6>

... хочу, чтоб и вы не имели права [претендовать] требовать от меня стыда, глухих слез и раскаяния. Я хочу, чтоб вы сознались в том, что не имеете права этого требовать.

— Что дурного в поступке вашем. Знайте, милостивый государь, что вы имеете право на все плевать и все презирать и даже делать все, что вам вздумается, но — до известной черты, до тех пор пока поступок ваш не вредит ближнему. Вот где нравственное основание поступков человеческих!

— Вредите ближнему? А почему бы мне не вредить ближнему?

— Но это порочно, безнравственно.

— [О] нравственность вещь относительная, я уже вам сказал, и ни на чем даже не основанная. К тому же везде различная, кто только умеет всмотреться; а уж про различие в веках и временах и говорить нечего. Опять-таки все это потому, что тут старый обычай, закон — и более вы ничего не сумеете сказать. С законом мы кончили: вы меня упекли, а по-

* вследствие своего тупоумия — вынесено на л. 29 об.

том я вас упеку — вот результат закона. Но все-таки почему [я хочу, чтоб вы сознались?] <безнравственно и порочно? * > — Не сами ли вы, то есть вся ваша мудрость, ваша наука, ваши философы давно уже согласились махнуть рукой на предрассудки и [даже] то //, что прежде считалось любовью, добродетелью, считается теперь повсеместно у людей передовых и ученых за тот же самый эгоизм. Благодеяние ближнему я делаю для себя же, для собственной выгоды и для собственного удовольствия и не иначе. И это все знают теперь, все это мыслят и трезво смотрят на вещи. Если же опять вопрос о выгоде, то опять-таки повторяю: оставьте меня самого быть судьей моих выгод.

— Но ведь соглашаетесь же вы, по крайней мере, что в вред ближнему ваша собственная невыгода и первый же страдаете вы! Вспомните слова одного английского государственного человека, сказавшего о преступнике: «Преступник это прежде всего нерасчетливый человек», — и уже разумеется в этом великая истина! Милостивый государь! Поверьте, что поступки ваши должны именно иметь мерилом [вряд и] выгоду, вашего ближнего. Иначе [все] общество же и восстанет на вас. Вас один, а их миллионы и если б все пошли друг против друга — то вечная война и все поели бы друг друга. Напротив ассоциация, разумное определение взаимных выгод, «всякий для всех и все для каждого», *A chacun selon sa capacité* ** //.

— Так, так, я бы все это мог опровергнуть, но пусть [это] по-вашему, это так, ну и что же из этого: в общем, вы правы, а в частном я могу проглотить <?>. Повторяю: я сам судья моих выгод. К тому же это мой характер и если тут риск, то риск веселит меня. Иначе жить скучно. Да и что делать на свете как не рисковать.

Вы говорите, что я всем поврежу и все меня возненавидят и изгонят из общества. А хитрость: я всех надую, прикинусь общественным святым, а сам свое про себя сделаю потихоньку. Сам сделаю и вас побьют: скажу это не я сделал, а вы сделали.

— А высший идеал? А нравственность? нравственность <?>

— Да ведь с нравственностью мы покончили, ведь вы же мне ее уступили. Ведь нравственность ведь тот же эгоизм, то же чувство самосохранения, [но] значит опять-таки только одна моя вина. А о моей выгоде позволите мне самому [по]беспокоиться.

— Да ведь нравственность не рассуждение, не выгода, это скорее чувство, чувство неизвестное, почти инстинктивное, но природное. Венец его, последние слова этого чувства, этого влечения человечества и непрерывающегося в нем с начала веков, есть уж объявленная, открытая уже нам формула. Именно что <1 нрзбр.> есть жертва за ближнего, то положения жизни.

— Вы хотите, чтоб я положил жизнь и был счастлив...

— Ничего, ничего, идеал, а не реализм взгляда управлял человечеством. Идеал в том, что я положу жизнь и все, наконец, просветятся, догадаются, почувствуют, что выше нет счастья как это, и сами положат жизнь за меня. Тогда жизнь обратится в рай, люди будут обниматься и целоваться, всякий будет работать один для другого, разбитые силы усилятся во многие миллионы раз, жизнь увеличится, каждое мгновение счастья, слава и подвиг личности будут вознаграждаться не утолением тщеславия, а восторгом благодарной любви и тогда — кому тогда ваш социализм, ваши формулы, ваши искания? Если я люблю всех и каждого, и всякий всех тоже самое, то мы поневоле все тотчас найдем как жить. Вот у Zola разговор Либертиста <?> тем драгоценнее, что это разговор массы, пример,

* Над строкой.

** Каждому по способностям (*франц.*).

как она поняла и приняла учения: 10 лет коварной диктатуры, посмотрите на брак, я... и Христос...

— Я вас слушал, но наш век есть век реализма, а не идеалов.

— Идеалы всегда управляли.

Он ведь со мной согласен. Его историю рассказать. Путешествие (больно бил Семена).

Но перед историей (вкратце) отзыв «От⟨ечеств⟩ з⟨ап⟩» и «Биржевых» о Жорж Занд и проч. Затем вдруг история. Затем Эмс—Турция—Европа, победа, о Герце⟨не⟩, Ап⟨оллон⟩ Гри⟨горьев⟩.

ИРЛИ, ф. 100, № 29587. ССХб. 36. Автограф на двух листах, имеющих авторскую нумерацию, — 7 и 8.

Публикуемый отрывок, не вошедший в окончательный печатный текст, как и два предыдущих (№ 4 и 5), представляет собой черновую рукопись, которую вследствие ее нахождения отдельно от других текстов трудно связать с тем или иным номером «Дневника писателя». Составители «Описания рукописей» полагают, что этот отрывок относится к выпускам «Дневника» либо за июнь, либо за июль—август 1876 г. («Описание рукописей», стр. 70). Мы склонны отнести его скорее к июльско-августовскому выпуску по следующим соображениям:

1) В наброске плана дальнейшей работы, которым заканчивается этот отрывок, значится: «Затем Эмс». В Эмс Достоевский прибыл 8/20 июля 1876 г., т. е. уже после выхода июньского «Дневника». 18/30 июля он сообщает жене: «Думаю описать Эмс в „Дневнике“...» («Письма», III, стр. 229). Задуманное было исполнено: июльско-августовский «Дневник» содержит подробное описание Эмса.

2) Отрывок содержит упоминание одного из героев романа Золя. О чтении Золя пишет Достоевский жене из Эмса (там же, стр. 225, 229). Кроме того, в июльско-августовском «Дневнике» есть упоминание о романе Золя.

3) Настоящий отрывок построен в форме диалога. Это, очевидно, разговор с неким «парадоксалистом» — прием, к которому Достоевский нередко прибегал в «Дневнике». В июньском выпуске «парадоксалист» отсутствует; но именно в июльско-августовском ему отведено значительное место.